

Падерина Л.Н.
(Россия, Ачинск)

**ДИАЛЕКТИЗМ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ СРЕДСТВО
РАЗЛИЧЕНИЯ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ»
(на примере произведения В.П. Астафьева «Царь-рыба»)**

Ключевые слова: концепт «свой - чужой», народ, народное самосознание, язык, диалектизм, коммуникативное средство, закон природы, языковая мета.

В статье рассматривается диалектизм как коммуникативное средство различения «своих» и «чужих» на примере повествования в рассказах В.П. Астафьева «Царь-рыба». Особенности говоров в произведении являются своеобразной метой: чем больше диалектизмов в речи персонажа, тем он ближе к природе, тем он положительнее.

Paderina L.N.
(Russia, Achinsk)

**DIALECT AS A MEANS OF COMMUNICATION
THE DISTINCTION BETWEEN «US» AND «THEM»
(for example, works of V.P. Astafieva «King-fish»)**

Key words: the concept of «a - a stranger», the people, the people's identity, their language, dialecticism, communicative tool, the law of nature, language meta.

The article discusses how the means of communication dialecticism distinction between «us» and «them» as an example of narrative in the stories V.P. Astafieva «King-fish». Features of dialects in the product are the original meta: the more dialects in the speech, so it is closer to nature, so it is positive.

Обращение внимания исследователей с конца 20 века к концепту «свой-чужой» неслучайно: «это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [9]; «концепт «свой - чужой» является ключевым в межкультурной коммуникации, ибо столкновения одной культуры с другой в современном мире происходят постоянно» [5]; «оппозиция *свой-чужой* – один из важнейших культурных концептов, во многом формирующий картину мира различных народов, поскольку вместе с другими бинарными противопоставлениями (*верх-низ, правое-левое, далеко-близко*) в конечном счете реализует архетипическую оппозицию – *доброе-злое (благоприятное-неблагоприятное)*» [4]. Сегодня к его описанию обращаются в разных аспектах: социальном, психологическом, философском, культурологическом, этнокультурном, межкультурном, филологическом и др. Ученые однозначно связывают указанный концепт с самосознанием народа, самим понятием народа. Определено, что данные лексемы категоризируют мир на своих (свой народ) и чужих (иных, чуждых), организуют пространство этноса, давая некую оценку и помогая ориентироваться, вычленять релевантные признаки [2] в рамках любого социокультурного опыта – коллективного и индивидуального, языкового и поведенческого, визуального и социально-практического [5]. Следовательно, к средствам различения или определения «своих» и «чужих» можно отнести совпадение или несовпадение опыта, мнения, точек зрения, соблюдение поведенческих моделей, ритуалов, этикета или отклонение от них, стереотипы, визуальное восприятие себя и другого (мимика, позы, интонация и др.) и т.п. Среди них особое место занимает язык как основное средство овладения общественно-историческим опытом человечества, как универсальный инструмент взаимодействия и

социализации человека. Повседневная жизнь отражается в произведениях культуры – художественных текстах, где мы находим противопоставление на «своих» и «чужих» в описании поведения, мотивов действий, эмоционально-чувственного компонента, в речи персонажей и рассказчика.

Наша задача – продемонстрировать роль диалектизма в различении «своих» и «чужих» на примере произведения В.П. Астафьева «Царь-рыба», что было выявлено в процессе филологического анализа функционирования диалектизмов в повествовании в рассказах.

Положительные и отрицательные герои у Астафьева представлены не только через их поступки, размышления, воспоминания, дневники, восприятие других, но и через речь. Нами отмечена следующая особенность писателя: общим признаком плохих людей у Астафьева является отсутствие в их речи диалектизмов. В произведении выделяются две группы персонажей: «свои», т.е. положительные герои, – все жители среднего и нижнего Енисея, в том числе и Грохотало, и Эля, которые либо изначально живут по законам природы, либо приходят к этому через испытания; «чужие», т.е. отрицательные герои, – браконьеры из города, Г. Герцев, которые обладают рядом противоречащих природе качеств и не способны к перерождению. Астафьеву симпатичны и ближе те люди, которые живут по законам природы. Именно речь таких персонажей насыщена диалектизмами.

Это подтверждается фактом использования всех типов диалектизмов в речи персонажей, прежде всего фонетических и лексико-фонетических. Их использование определено идеей писателя о четкой территориальной закреплённости диалектных черт, о передаче народной речи путем акцентирования внимания на особенно ярких чертах говора. В связи с тематикой повествования писатель отражает особенности говоров жителей среднего и нижнего Енисея, сведения о которых находим в работах Н. А. Цомакион [10], И. И. Литвиненко [3], Л. Г. Самотик [7]. В. П. Астафьев отбирает наиболее специфичные черты этих говоров и вводит их в речь персонажей, реже – в авторское повествование. Среди таких черт выделяются:

- **шепелявенье** (*сто, стобы, фасыст, промыслять, верис, вылетис* и др. – в речи Акима; *хоросо, товарисс, расплессы* – в речи сестер и братьев Акима; *сто, ис, вырастет, смотрис, посёл* и др. – в речи матери Акима; *сто, стобы, фасыст, говорис, понимае* и др. – в речи Кирыги-дереваги; *опрокинеся* – в речи жителей п.Чуш (сегодня - Ярцево); *сырота, сэсыдесятый* – в речи эвенкийки; *делас* – в речи чалдона (бойе);

- **долгий твердый Ш** (*ишишо, ишытать, таишыть* – в речи Акима; *ишишо* – в речи староверов; *пошто* – в речи чалдона; *ишишо, товариши, отпушшайте, жэнышына* и др. – в речи жителей п.Чуш);

- **стяжение гласных** (*думаши, желашь, заколес, знае* и др. – в речи Акима; *плаваши* – в речи матери Акима; *разумес, придес, понимае, сообразас* – в речи Кирыги; *делаши, путаши* – в речи чалдона; *понимаши, шастат, оставлям, поймаши* – в речи жителей п.Чуш);

- **соканье** (*светок, селовек, сють, се, нисе, собаська* – в речи Акима; *уси, усеного, мамоська* – в речи сестер и братьев Акима; *отес, се, застенсивай, девоська, сыносек, мамоська, нисе* – в речи матери Акима; *систо, сиротоська, нисе, огурсик* – в речи Кирыги; *засем* – в речи бойе, жителей п.Чуш).

При рассмотрении самой специфичной черты, шепелявенья, для которой автор создает свой термин – сельдючить [1. С. 244, 334], прослеживается несколько моментов. Шепелявенья широко представлено в речи жителей п.Боганида (нижний Енисей), т.е. в речи Акима, его семьи, матери, Кирыги, и значительно реже встречается в речи чушанцев, т.е. жителей п.Чуш (средний Енисей). Это неслучайно. Здесь проявляется территориальная закреплённость диалектных черт (согласно исследованиям, шепелявенья распространено в зоне нижнего Енисея). Кроме того, просматривается передача т.н. русского шепелявенья (в речи Акима, его матери, Кирыги) и эвенкийского (в речи эвенкийки). Наблюдаем шепелявенья и в детской речи. С одной стороны, трудно разграничить диалектное и детское

шепелявенье, последнее может быть результатом физиологических особенностей. С другой стороны, трудно определить, откуда шепелявенье в речи сельдюков, является ли это собственно диалектной чертой или это влияние эвенкийского языка. Вслед за Л. Г. Самоптик предполагаем, что в речи матери Акима и в речи Киряги отражен субстрат, поскольку известно, что мать Акима родилась от долганки, отец ее был русским [1.С.187-188], Киряга – «низовский енисейский уроженец», «остяк», т.е. селькуп [1.С.193]. Наличие субстрата в речи местного населения обусловлено историей заселения Приенисейской Сибири, куда в течение веков приходили носители разных систем и соприкасались с языками автохтонов, в результате чего русский язык на данной территории действует в ситуации межъязыкового и междиалектного контактирования [6.С.30-31]. Территория нижнего и среднего Енисея представляет архаичную языковую среду, где значительное влияние имеют языки аборигенов [6.С.30]. У Акима отец русский [1.С.184], что повлияло и на его речь: шепелявенье не всегда отражается в речи персонажа. Это зависит от душевного состояния Акима. Чаще всего отсутствие данной черты прослеживается в чрезвычайно экстремальных ситуациях, либо в ситуациях, когда он рассуждает о жизни, философствует: в сцене разговора Акима и Г. Герцева, когда герой пришел за единственной святой вещью Киряги, медалью «За отвагу», выменянной на спирт, Аким в гневе на человеческую нечистоплотность почти не шепелявит [1.С.301-302]; в эпизодах первой встречи Акима и Эли, когда герой поставлен в ситуацию необходимости спасти человека [1.С.305]; в сценах прочтения и обсуждения Акимом и Элей дневников Герцева, во время чего Эля замечает, что «говорит Аким почти чисто, не сельдючит» [15.С.334], перехода через тайгу к людям [1.С.370], прощания с Элей у вертолета [1.С.385]. Когда Аким находится в привычной среде или остается в одиночестве, шепелявенье всегда в его речи (рыбалка, диалоги с матерью, Кирягой, арест Акима и др.). Таким образом, по В.П. Астафьеву, шепелявенье – это результат межъязыкового воздействия, что обусловлено историей заселения описанной территории.

Кроме фонетических, лексико-фонетических диалектизмов, функция выделения «своих и «чужих» реализуется другими типами диалектизмов в речи персонажей. В основном ярко окрашена, индивидуализирована речь Акима (семантические диалектизмы: *петля, пасть, приправа, очесок, осатанеть, наширкатся, спустить, скрасть*; словообразовательные: *разостроиться, непогодь, братан, заради, нарозь, оттудова, осенесь, неуж, дожждать, покуль, откуль*; грамматические: *ребенков, животная, парня, волосье, на ем, те, оне, на их, имя, с имя, текет*; лексические: *кержак, сельдюк, связчик, пана, козенок, купороситься, змеевец, гумажье, полусак, самолет, рожень, скрад, лядина, курумник* и др.; фразеологические: *не вступ ногу жить; хлебать мурцовку; дойти до тюки; задрать лытки кверху; под «рузье»; самолет-ероплан, посадика-ка нас в карман*). Значительно реже аналогичные явления наблюдаются в речи других персонажей: бабушки (словообразовательные: *подивоваться, экий*), чушанских браконьеров (лексические: *темность, шибздик*), рыбаков (словообразовательные: *небольшенький, гостюй, оттудова, кажин, экий, покуль*; грамматические: *те, ат ево*; лексические: *загад, заплот, чир, однава, купороситься* и др.), старшего (лексические: *блажить, посолонь, блазниться, обыден* и др.) и т.д.

Такое внимание к Акиму со стороны автора, т.е. насыщенность его речи диалектизмами, определена не только происхождением, но и характером персонажа, его качествами, среди которых трудолюбие, мудрость, смекалка, хитрость, застенчивость, тактичность, деликатность, справедливость, открытость, доброта, честность, заботливость, уважение и знание природы, ее тайн. Всё это связывает его с местом, с природой.

Не всем персонажам повествования автор «дает право» выражаться на местном речении. Литературно правильная речь встречается, например, у браконьеров, приехавших из города, у Г. Герцева.

В то же время в речи тех героев, у которых в силу их происхождения диалектных

черт не должно быть, диалектизмы наблюдаются. Среди таких персонажей выделяются украинец Грохотало, переживший множество испытаний, лишений, который осел в п.Чуш и «осибирячился» [1.С.119], и москвичка Эля, приехавшая в Сибирь на поиски родного отца. В речи Грохотало много украинизмов (например, «-Мабудь, в ём икра? Поделим. Выпьемо тыхо-мырно. В мэнэ сало е» [1.С.124]; «-Маты! Маты! Ждэ своего солдата, а солдат спыть вичным сном» [1.С.131] и др.), но встречаются и диалектные единицы данной территории (*стрезь, слезьми, свово, нароблять* и др.).

Москвичка Эля в речевом плане проявляется достаточно хорошо после встречи с Акимом в зимовье. Гордыня, презрение, раздражительность, капризность, брезгливость, изначально владеющие ею, постепенно покидают ее, как болезнь, что изгоняет Аким. Она со временем учится понимать Акима, принимает его мудрость, деликатность, такт: «Его суеверие, бормотанье наговоров и заветов, жите по приметам поначалу смешили Элю, потом начали раздражать, но чем дольше они жили в тайге, тем глубже она проникалась смыслом этой будничной, однообразной жизни, тем уважительнее относилась ко всему, что делал Аким, смиряла себя, старалась сдерживаться» [1.С.332]. Внутренние перемены отражаются и на ее речи: Эля частенько повторяет поговорки, присловья Акима («Ешь больше, болтай меньше, толстый будешь» [1.С.328]), с насмешливого или покровительственного тона переходит на уважительное «пана» («Где же пана-то? Не торопится пана?» [1.С.345]), выражается его словами («Промерз, ушомкался, говоришь, а выпьешь, настроение боевое, голова лучше соображает» [1.С.352]; «Эх, дурило, песню испортил!» [1.С.354]). Теперь она осознает, что это ее хозяин, спаситель и защитник [1.С.353]. Изредка Эля передразнивает шепелявость Акима, но не со зла, чаще в шутку или от бессилия: «-Будем ходить или в избушке сидеть? – Ходить. А зысь ни при чем! Природа дала тебе ума и такта довольно. Не форси и не выпендривайся! – Эля сердито сдернула с шеи рубаху, полезла под одеяло» [1.С.355]; «-Вспомнил, - невозмутимо подтвердил Аким. – **Послусать надо. – Слушать так слушать, - передразнила его Эля, став на колени, покорно задрала рубаху**» [1.С.354-355]; «-Хоросо! Замечательно! Дальше **сто?** – Изверг ты, вот **сто!**» [1.С.356]. Излечение душевное позволяет героине и думать, как местные люди: «...Эле помстилось, отыщи он там предвестия худой погоды, с облегчением повернул бы к зимовью, благо от него еще недалеко» [1.С.364]; «Раз-другой покоробленные шептуны ступили на что-то твердое, каткое – **кашкарник, выворотни**, подумалось ей» [1.С.374]; «У нее деньги, одежда теплая, у нее все есть, но язык не поворачивался отказать от денежки, которую Аким у кого-то перехватил, чтоб в Красноярске она не ездила на автобусе – на **таски** чтоб, а то продует. Ей теперь надо шибко беречься» [1.С.385].

Подобное изменение невозможно у браконьеров и Г. Герцева. Первых одолевает «недуг» рвачества, наживы любой ценой. Второго – эгоизм, высокомерие, презрение к другим, снобизм, самолюбование. Он, как показано через размышления Эли, описания автора, был злой на язык, спесивый, твердый на руку, хваткий в работе, практичный, но пустой человек, не считал людей ни друзьями, ни товарищами, он сам по себе и для себя жил.

Все это говорит о том, что «своими» для Астафьева-рассказчика являются люди, принимающие и соблюдающие законы природы. Им он «позволяет» говорить на «местном речении», что подтверждает мысль Г.Я. Солганика об условности художественной литературы: «Кто бы ни говорил в рассказе, повести, романе, это говорит рассказчик, но не сам герой, не автор» [8. С. 292].

Рассказчик причисляет себя к народу, положительным персонажам, объективизируя себя в произведении через использование диалектизмов: встреча с отцом после долгих лет разлуки («Все ищешь, **недотыка**, то, чего не терял!» [1.С.13]), первая встреча с Акимом («- А ты, **сельдюк узкопятый**, жрешь вино и не закусываешь, вот и приросло у тебя брюхо к спине!» [1.С.44]), рыбная ловля на реках Опариха, Нижняя Тунгуска («-Ишь, какие весельчаки! Выспались, взбодрились! Вам бы еще **сельдюка** впридачу» [1.С.66]; «-Иди

харюзов удь. Оне, - кивнул он на реку, - управятся и без тебя... - Харюзы мне надоели» [1.С.133]). В данном случае мы имеем дело с особым образом рассказчика-персонажа – человеком из народа, близкого своим персонажам и читателю, не чурающегося диалектного слова – как специфики автобиографической, исповедальной художественной прозы.

Особенности говорков в произведении являются своеобразной метой: чем больше диалектизмов в речи персонажа, тем он ближе к природе, тем он положительнее. Самый положительный герой повествования – Аким. Следовательно, диалектизмы в «Царь-рыбе» можно рассматривать как коммуникативное средство разграничения персонажей на «своих» и «чужих», что способствует полному раскрытию идеи всего произведения.

Список литературы

1. Астафьев В.П. Царь-рыба: Повествование в рассказах. / В. П. Астафьев – Красноярск: Книжное изд-во, 1987. – 400с.
2. Константинова А.А. Концептуализация пространства этнонимов «свой - чужой». / А.А. Константинова. // «Magister Dixit» - научно-педагогический журнал Восточной Сибири. - №4 (12). - Декабрь 2011. Режим доступа: <http://md.islu.ru/>
3. Литвиненко И.И. Фонетическая система говорков междуречья Сыма и Каса (Средний бассейн Енисея): Дис.... к. филол. н. / И. И. Литвиненко. – Красноярск, 1979. – 230с.
4. Милевич И.Г. Язык масс-медиа: отражение современных мифов и идеологий. / И.Г. Милевич. // Respectus philologicus. - №4 (9). 2003. Режим доступа: filologija.vukhf.lt/4-9/doc/Mlevich...
5. Петрова М.Л. Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX-XXI вв.: Автореферат на соискание ученого звания к.филол.н. / М.Л. Петрова. – Саратов, 2006. Режим доступа: Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCa <http://www.dissercat.com/content/kontsept-svoichuzhoi-v-zhurnalistike-i-literature-rossii-i-frantsii-na-rubezhe-xx-xxi-vv#ixzz2HRgUsPQR>
6. Самотик Л.Г. Русский язык на рубеже веков. / Л. Г. Самотик // Русский язык в Красноярском крае: Сб.ст. Выпуск 1. – Красноярск: РИО КГПУ, 2002. – С.8-24. - Библиогр.: с.20-24.
7. Самотик Л. Г. Русский язык на Среднем Енисее. / Л. Г. Самотик // Научный ежегодник Красноярского государственного педагогического университета. Вып. 2. В 2 т. Т. 2. – Красноярск: Красноярский гос.пед.ун-т, 2001. – С. 205-217.
8. Солганик Г.Я. О специфике художественной речи. / Л.Г. Солганик. // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сборник научных работ, посвященных 80-летию доктора филологических наук, профессора А.П. Сковородникова. / Под ред. Г.А. Копниной. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2009. – С.290-301
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. / Ю.С. Степанов. - М.: Академический проект, 2004. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/c/Concept.html>
10. Цомакион Н. А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. / Н. А. Цомакион. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1966. – 394с. – 500 экз.